

Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский

Богословие и свобода Церкви священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский

О задачах освободительной войны в области русского богословия¹.

Среди тяжелых и горестных обстоятельств переживаемого времени блестит один светлый и примиряющий луч надежды, надежды на обновление русского народного сознания, на повышение русских духовных ценностей. Уже и теперь раздаются гимны России и всему русскому даже с той стороны, где еще так недавно умели петь величание только пред кумирами Европы, где этими мертвыми и бездушными кумирами заменяли православные чудотворные иконы. Два века назад:

*оторваны могучею рукою,
мы бросили отечество свое,
умчались вдаль, пленясь чуждой землею,
земли родной презревши бытие
(К. С. Аксаков. "Возврат").*

Мы как будто стыдились того, что мы – русские и имеем несчастье жить на Востоке. Мы перерядились в чужое платье и заговорили на чужих языках. Во всех областях русской жизни двести лет слышался один только *жалкий лепет слов чужих.*

Славянофильство не встречало сочувствия в широких кругах интеллигенции; в этих кругах оно было обозвано «китайщиной», «реакцией» и прочими страшными именами. Но вот с нами повторяется то же, что было сто лет назад и о чем сказано в молитве рождественского молебна. «О их же ревновахом наставлении, сих имеяхом (а теперь и имеем) врагов буиих и зверонравных», – у нас уже заговорили о «развенчанном кумире» европейской культуры,
и взор вперед с любовью на Восток.

Война – горькое лекарство, но она лечит наше общество от «тоски постылой по стране чужой». Заныла в русском сердце «тоска по родине». Настоящую войну уже назвали «освободительной» в самом широком

смысле этого слова. Мы хотим освободиться от чужого влияния и жить своим русским умом. О необходимости такой именно освободительной войны говорят теперь громко. Не думаете ли вы, что и наш долг принять живое участие в этой необходимой войне? Но можем ли мы принять какое-нибудь участие в этой войне, сидя за этими высокими стенами монастыря, собираясь в аудитории, подыскивая книги в библиотеке и сгибаясь над этими книгами в своих комнатах? Идет кровопролитная война на полях брани. Там нужны орудия и снаряды, а мы с вами – люди безоружные. Начинается война с немцем в области торговли и промышленности. Для этой войны нужны миллионные капиталы, а наши капиталы состоят из копеек и очень немногих рублей. Наши орудия – книги; наши снаряды – слова и мысли; мы проливаем не горячую кровь, а холодные чернила. Но и этими орудиями мы можем и должны воевать с врагом. Я хочу вам сказать о необходимости освободительной войны в области русского православного богословия. У нас уже и в газетах и в журналах заговорили о «немецчине» в богословии. С особенным удовольствием все эти речи подхватили раскольники. По нашему адресу, по адресу профессоров-богословов, наговорено много всевозможных обвинений, обвинений самых тяжких и нередко просто обидных. На «немецчину» в русской богословской науке ополчились многие и из таких людей, которые не имеют никакого отношения ни к русской, ни к немецкой науке. Во всех этих речах о немецком засилье в русском богословии я вижу, как люди, во-первых, впадают в крайность, и, во-вторых, не указывают действительного врага, почему и весь поднятый важный вопрос в своем обсуждении теряет приличную ему серьезность. Многие склонны усматривать засилье немцев просто уже в тех многочисленных немецких цитатах, какие можно видеть в русских богословских книгах. Не хотят признавать никаких ученых заслуг немцев. Забывают то, что наука не может ограничиваться одними общими взглядами и выводами. Для настоящих научных выводов нужна кропотливая черновая работа; для одного часа синтеза порою нужны годы анализа. В этой черновой работе мы от немцев отстали и поневоле должны пользоваться их трудами. Ведь я думаю, что, если бы можно было сейчас нам получать орудия с крупновских заводов, их не отвергли бы только потому, что они немецкие. Их наверное взяли бы, только направили бы на немцев. Но многие научные орудия мы имеем от немцев, пользоваться ими можем, но должны давать им желательное для нас назначение. Например. У нас много говорят об изучении святоотеческих творений. А попробуйте-ка обойтись в этом деле без чужой помощи, если в России никогда не

издавали святоотеческих творений в подлинниках! Захотите вы в подлиннике изучить латинского церковного писателя, – вы, конечно, предпочтете лучшее издание Венской академии наук – *Corpus scriftorum ecclesiasticorum latinorum*. Нужен будет вам древний греческий церковный писатель, – вы с удовольствием узнаете, что он уже имеется в том совершеннейшем издании, которое предприняла Прусская академия наук – в *Die griechische christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte*. Едва ли можно представить себе что-нибудь более совершенное в научном отношении, чем издание «Церковной Истории» Евсевия Кесарийского Эдуардом Швартцем! Пусть на этом издании, лишь только его откроешь, стоит немецкий заголовок: «*Eusebius Werke*», нам от этого может быть разве только стыдно, но едва ли нам это вредно!

Если говорить с академической кафедры о необходимости освободительной войны в области русского православного богословия, то нужно говорить серьезно, – не обращать внимания на мелочи, но указать действительного и крайне вредного врага, определить, как и откуда он пришел и почему у нас он распространился и утвердился. Сделать это я и попытаюсь. Я должен начать издавелека и кратко напомнить несколько известных исторических фактов, потому что чужеземное засилье в русском богословии имеет весьма глубокие исторические корни и стоит в самой тесной связи с событиями даже русской гражданской истории.

1. Еще в то время, когда Московская Русь жила своей самобытной жизнью, когда в ней на всех случайно приезжавших «басурман» еще смотрели с суеверным ужасом, еще тогда Западная Русь не только вошла в соприкосновение с Западом, но и попала под западное влияние. Западная Русь была ведь под польской католической державой. Она уже давно встретилась с католичеством и с трудом в постоянной борьбе отстаивала свою веру и народность. Католичество кладет вскоре свою печать и на народное образование. Особенно это католическое влияние на западно-русское просвещение усиливается с начала 16-века. С Запада надвигался на католичество Западной Руси враг в лице реформации и католическая иерархия начинает устраивать для отражения этого врага школы. Вызваны были, так сказать, янычары католичества – отцы иезуиты. Папский нунций убеждал польского короля устроить в своем государстве иезуитские коллегии, *quasi praesidia religionis*, как крепости веры.² И вот в течение 16-го века Западная Русь покрывается целой сетью иезуитских коллегий во главе с Виленской академией. Во всех этих школах обучались и православные, иезуитская педагогика была поставлена так, что большинство воспитанников возвращались в католичество. На их глазах

католичество торжествовало победу повсюду: и в богослужении, и в догматике, и в полемике, и на примерных диспутах, где вооруженные блестящей диалектикой иезуиты победоносно опровергали все некатолическое³. Но даже и тогда, когда воспитанник иезуитской школы оставался верен православию, он выходил из школы пропитанный католическим духом, особенно в области богословия. И как могло быть иное, если при изучении богословия его руководил *doctor angelicus* Фома Аквинский со своей *Summa totius theologiae*!

В 1592 году киевский митрополит Михаил Рагоза писал в своем окружном послании: «учение святых писаний зело оскуде, паче же Словенскаго Российскаго языка, и все человецы приложишася простому несовершенному Лядскому писанию, и сего ради в различные ереси впадоша, не ведуще в Богословии силы совершеннаго грамматическаго Словенскаго языка»⁴. Митрополит указывает на недостаток национального православного образования и на вред для православия от обучения «Лядскому писанию». Недостаток православного образования пытались возместить устройством православных школ западно-русского братства. В противовес латинскому католичеству братские школы на первом плане поставляли изучение греческого православия, но без латинского языка и без латинской науки не могли обойтись и православные школы, потому что они были в католическом государстве и готовили граждан католического государства. *Latina* необходимы были в Польше *ad forum*, для дел и жизни гражданских. Сильвестр Коссов, напр., рассуждает в своем «*Exegesis*» так: «Латинские науки нашему народу нужно изучать прежде всего для того, чтобы нашей Руси бедной не звали Русью глупой. Совет учиться только по-гречески, а не по-латыни, хорош в Греции, но не в Польше, где латинский язык особенно распространен. Поедет бедняга русин на трибунал, на сейм, на сеймик, до города, до земства, – без латыни платить вины; только, как коршун вытаращивши очи, присматривается он там то к тому, то к другому»⁵. Латинский и польский языки, а вместе с ними и католический дух скоро проникли и в самые православные школы. «Каждая школа прошла две стадии своего развития: сначала она существовала, как школа греко-славянская, потом постепенно сближалась с латино-польской, причем это сближение заходило порой очень далеко»⁶. Отдельные ревнители восставали против латинского учения в православных школах. Таков, напр., был афонский инок Иоанн Вышенский, который говорил, что «плоды школы латинской гнилы и погильею вечною смердящи», что эта «проклятая школа ни одного ученика на спасет, до Царства Небесного годным быти не породит

и не научит, аще всех студентов своих в погибель вечную посылает, потому что учителя в ней – поганцы, аристотели, волхвы, еретики, оригены и другие тому подобные». Читайте об этом его сочинение «Зачапка мудраго латынника с глупым русином в диспутацию»⁷. Против латинского направления школ возмущался иногда самый народ. Так, напр., когда архимандрит Петр Могила завел в Киево-Печерской Лавре коллегію на иезуитский манер, то «от неученых попов и казаков велие было негодование: на што латинское и польское училище заводите, чего у нас дотуду не бывало и спасались. Было хотели самого Петра Могилу и учителей до смерти побити: едва их уговорили»⁸. Казацкая расправа грозила быть серьезной. Вспомните из Гоголя картину казацкой расправы с жидами в Запорожской Сечи. «Перетопить их в Днепре! В Днепр их, панове!» Нечто подобное было и в отношении латинской школы; по крайней мере Сильвестр Коссов, сам подвергшийся погрому, вспоминает: «Какие перуны, какие громаы посыпались тогда на нас, невозможно и описать чернилами. Было такое время, что мы, исповедавшись, только и ждали, что вот начнут начинять нами желудки днепровских осетров или же того огнем, другого мечом отправят на тот свет»⁹. Но все подобные протесты оказались однако бессильны пред ходом истории. Православные ученые, постоянно полемизируя с западными еретиками, сами пропитывались постепенно их духом, заимствовали у них богословскую систему и брали на прокат (вооружение) даже самое полемическое оружие.

Утвердившись в Западной Руси, католическое влияние проникло в 17-ом веке и в Русь Московскую. В области научно-богословской Московская Русь очень скоро попала под малорусское влияние. В прошлом году вышел 1-й том капитального труда проф. К. В. Харламповича – «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» (Казань, 1914). Здесь указаны только лица юго-западного происхождения, которые выступали деятелями на различных поприщах великорусской церковной жизни. От ознакомления с этой книгой получается весьма внушительное впечатление. В течение двух веков было у нас на Москве какое-то малороссийское нашествие. «Пришельцы заняли самые видные и влиятельные места, от иерархов до управлений консисторий, ими устроенных, от воспитателей семьи царской до настоятелей монастырских, до ректоров, префектов и учителей ими же проектированных школ, до кабинетных и типографских ученых, делопроизводителей, дьяков и секретарей. Все почти подверглось их реформе, по крайности неотразимому влиянию: богословское учение,

исправление священного и богослужебного текста, печатанье, дела раскола, церковная администрация, проповедь, храмовое, общественное и домашнее пение, ноты, внешность архиерейских домов, образ их жизни, экипажи и упряжь, одежда служителей, напр. певчих, вид и состав школ, предметы и способы учения, содержание библиотек, правописание, выговор речи устной и в чтении, общественные игры и зрелища и т. д. и т. д.¹⁰

Московское просвещение в 17 веке попадает под особенное влияние олатинившихся малороссов. Московское общество и московское правительство именно в 17 веке приходят к мысли о необходимости устроить в Москве правильно организованную школу. Об этом заботились и восточные патриархи. Они смотрели на Москву с весьма определенной надеждой, как на единственное место, где православие пользуется поддержкой государственной власти. Константинополь был ведь уже в руках неверных турок. Еще в конце 16-го века (в 1593 году) александрийский патриарх Мелетий Пигас писал царю Феодору Иоанновичу: «устрой у себя, царь, греческое училище, как живую искру священной мудрости, потому что у нас источник мудрости грозит иссякнуть до основания»¹¹. Впрочем, школ в Москве не заводили до самого почти конца 17-го века. Ограничивались вызовом отдельных ученых людей. Такие люди были нужны и церковному и государственному правительству. Но где таких людей взять? Их брали в Киеве. В 17 веке в Москве мы находим оригинальный тип людей – так сказать придворных монахов, приглашенных из Киева. Обязанности этих монахов были весьма сложны и разнообразны. Они переводили с разных языков почему-либо казавшиеся нужными книги; они же составляли лексиконы. Они говорили проповеди и в торжественных случаях особые «орации». Они должны были писать торжественные и поздравительные вирши при радостных событиях дворцовой жизни и «Френы» или «Плачи» по случаю той или другой смерти. Они сочиняли догматические трактаты и обличали раскольников. На их обязанности лежало составление церковных служб русским преподобным, а также и «комедий» для придворного театра. Но Киев давал Москве монахов различного направления: одни были сторонники образования греческого, другие – поклонники науки латинской. Столпом греческого направления и центром, вокруг которого собирались московские грекофилы, был киевский ученый Епифаний Славинецкий, живший в Чудовом монастыре. Современники отзываются о нем с самой решительной похвалой. Это был «муж многоученный, не только грамматики и риторики, но и философии и самой теологии

известный испытатель и искуснейший рассудитель»¹². Но в собственном смысле придворным монахом был Симеон Полоцкий. Это был ученый совсем иного направления. «И той учивыйся, но не толико (как Елифаний), не бо бысть философ, и то токмо учися, яко обычай есть поляком и литвяном по-латински и по-польски, греческого же писания ничтоже знаяше»¹³. Но именно Симеон-то Полоцкий и был наиболее влиятельным в Москве ученым. Он был учителем царских детей – впоследствии русских правителей Феодора Алексеевича и Софьи Алексеевны. Под его руководством во дворце московского царя «в сласть читали ляцкия книги», латинско-польское образование становится модным во дворце и на европейский лад отчасти перестраивается дворцовая жизнь. Через Симеона Полоцкого и его ревностного ученика и последователя Сильвестра Медведева и через других им подобных киевских ученых латинское влияние проникает в интересующую нас область московской церковной жизни, в область богословия. В конце 17-го века в Москве разгорается интересный и весьма характерный богословский спор о времени предложения святых Даров на литургии, причем киевляне латинского направления прямо защищают католический взгляд. В московских соборах раздается настоящая схоластическая проповедь даже со ссылками на премудрого Ансельма, на Беллярмина и подобных. Представьте вы себе Москву 17-го века с ее церковным православным укладом жизни, с ее полным недоверием ко всему чужому, с ее боярами в длинных одеждах и высоких шапках, с ее благолепными соборами, где почивают московские первосвятители... И вдруг в этой-то обстановке раздается схоластическая проповедь со ссылками на Ансельма! Вполне понятно то смущение, которое овладело русскими православными людьми при таких проявлениях латинско-малороссийского нашествия на Москву. Раскольникам казалось, что и Никоновские исправления навеяны латинством, что тот самый «вселукавый враг» сатана, который «римское царство на западе, идеже престол его есть, учинил матерь и приятелище всех ересей и источник всякаго нечестия», который в образе латинян «и в наше пресветлое Русское царство многожды заглядывал». Теперь «Российское царство отторже хоботам своим Никоном» от православия»¹⁴. Основания такой философии истории находили в Свящ. Писании. Рим отпал чрез тысячу лет после основания Церкви, когда сатана был освобожден из темницы и вышел «обольщать народы» (Апок. 20, 7). А прибавить к тысяче апокалипсическое число 666, – получится время Никоновского патриаршества. Известный расколоучитель бывший Благовещенского собора дьякон Федор Иванов склонен был всю иерархию

православную обвинять в сочувствии латинству. «Возненавидели они, окаяннии, пишет он, святых сионских восточных церквей матери нашей правые догматы, и поругали, и попрали, а возлюбили и поцеловали римскую блудницу... и приемлют с честью, и слушают с любовью проклятых и льстивых ея дидакалов, и от тех нечистых духов напиваются мутного пития, яко свинья кабацкия барды»¹⁵.

Расколоучитель однако представляет дело в совершенно превратном виде. На самом деле московские иерархи 17-го века всеми мерами боролись с латинским влиянием на православное богословие. Ведь уж сам ненавистный раскольникам великий Никон был выдающимся грекофилом. Но особенно много потрудился в борьбе с латинским влиянием тоже нелюбезный раскольникам патриарх Иоаким, бывший ранее патриаршества чудовским архимандритом, друг Елифаня Славинецкого, покровитель выдающегося ревнителя греческого православия чудовского инока Евфимия. Патриарх Иоаким все время своего патриаршества неустанно боролся с латинством, которое проникало в Москву, и перед смертью своей на соборе 1690 г. осудил «хлебопоклонническую ересь» и другие латинские мудрования киевлян. Этому собору патриарх сделал обширный доклад, известный под именем «Слова поучительного». Из этого слова мы можем узнать образ мыслей тогдашнего кормчего русской Церкви и его оценку происходивших во второй половине 17-го века событий. Здесь мы читаем:

«В царство благочестивейшаго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича, всея великия и малыя и белыя России самодержца, по пленении польскаго государства, пришед из Полотска града в царствующий град Москву некто иеромонах, у иезуитов учивыйся латине, именем Симеон, прозванием Полотской, сказа себе восточнаго благочестия последователя быти. Благочестивый же царь и священнии архиереи, поверивше ему яко благочестиву и православному, вручаху ему всякия церковныя дела писати. Он же Симеон, аще быше человек учен и добронравен, обаче предъувещан от иезуитов, папешников сущих, и прельщен бысть от них, к тому ж книги их латинския чтяще, греческих же книг чтению не быше искусен, того ради мудрствоваше латинская нововымышления права быти, у иезуитов бо кому учившуся, наипаче токмо латински без греческого, не может быти православному весма, восточных Церквей искреннему сыну; подвлагают бо они, иезуити, учащяся у них под страшныя клятвы, еже быти им послушным папе, отцу их, и последователем во всем и униатом и защитником западнаго костела, яко неции пострадавшии сие сами извествоваша. Написа он некая писания,

собирая от латинских книг, и иная же с тех же латинских книг готовая преводе. И во всех своих писаниях написа латинскаго зломудрования некии ереси: аще от неискусства, аще ухищренно, совесть его весть, обаче овья прикровенно и неудобопознанно лежаще суть в писаниих его»¹⁶. Далее патриарх предает осуждению разные сочинения Симеона Полоцкого. У Симеона была книга «Обед душевный». Патриарх говорил, что эта книга исполнена «бед душевных». «Книга «Венец веры», иже сплетен не из прекрасных цветов, богоносных отцев словес, но из бодливаго терния на западе прозябшаго новшества, от вымышлений Скотовых, Аквиновых, Ансельмовых, и тем подобных еретических блудословий»¹⁷. Сочинения Симеона Полоцкого патриарх запрещает читать. «Данною нам властью от Всесвятаго Духа запрещаем всем православным сыновом, послушным архипастырства нашего, тех книг, яко подзор и ереси имущих, яко не благословенных, никакоже дерзати народно и в церквах прочитати, под церковною казнию, священным – под извержением священства, людином же – под отлучением»¹⁸. Говорит в своем «Слове» патриарх и о Сильвестре Медведеве. «Последи же Симеона Полотскаго ученик его и наследник монах Силвестр Медведев, иже послежди, за отступство и ересь и на святую восточную Церковь за злословия его, лишен образа святаго и звания монашескаго и назван именем Сенка Медведев, прелстивыйся, яко сам глаголет, от киевских новотворимых книг от латинскаго учения и от книг и писаний и словес устоглаголаных учителя своего, онаго униата полоцкаго Симеона (купно бо с ним в единой келлии живяше и всегда слышаше словеса его, латинския мысли полна сущая, не познав, глаголет, лести онаго, прелстися в след его мудрования), разширяше и утверждаше в народе ересь ону латинскую»¹⁹. «Книги новотворенныя киевския, от нихже Сенка Медведев прелстися», патриарх с собором предает анафеме: «Аще кто отныне таковая его, Сенки, и иных писания, у себе утая, держати войзирать и злаго его плевелосеятельнаго блудословия не отринет и писаний его дьявололестных не обявит и о том не покается и мерности нашей или отцем своим духовным не исповедается и не отстанет, таковой да будет властью, данною нам от Всесвятаго и Вседетельнаго Духа, вязати и решить, связан и от Церкви святых и пречистых таин причащения отлучен и вечную казнь от Бога примет»²⁰.

Так решительно боролся святейший патриарх Иоаким с латинством, которое заносили в Москву киевские ученые и «новотворенныя киевския книги». С киевскими книгами патриарх боролся и раньше. Он учредил для них самую строгую цензуру: заставлял перепечатывать, а иногда просто

выдирать целые листы; иные книги и совсем запрещал²¹. И однако западно-русские книги широко распространялись по Московской Руси. Было нечто им благоприятствовавшее. Что же именно? Это был московский царский двор, где были даже покровители иезуитов, вроде князя П.В. Голицына, столь близкого к Софье. В этих именно придворных кругах находили поддержку и даже влияние и Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев. Западно-русские ученые изобрели даже особый способ для распространения своих книг в Москве: они посвящали свои книги особам царствующего дома²². Во дворце эти книги находили совершенно иной прием, нежели у патриарха. Придворный фаворит Симеон Полоцкий даже не подчинялся в своей литературной деятельности цензуре и контролю патриарха. Об этом сам патриарх говорит в «Слове поучательном». «Толико той Симеон освоёволилсѧ, яко и печатным тиснением некия своя книги издати, оболгав мерность нашу, предписа в них, якобы за нашим благословением тыя его книги печатаны. Мы же, прежде типикарскаго издания тех книг ниже прочитахом, ниже яколико видехом, но, яже еже печатати, отнюдь не токмо благословение, но ниже изволение наше бысть»²³. Очевидно, в своей борьбе с латинским влиянием патриарх Иоаким встречал противодействие со стороны западнической и латинофильствующей придворной партии.

Но если патриарху Иоакиму не удалось очистить Московскую Русь от «новотворенных киевских книг», то он одержал победу над латинской партией в деле учреждения в Москве высшего училища. В начале последней четверти 17-го века мысль об устройстве такого училища окончательно созрела у московского правительства. Между греческой и латинской партиями началась борьба по вопросу о том, какую должна быть высшая московская школа – греческою или латинскою. Вокруг патриарха группировалась греческая партия. Мы имеем и литературные памятники упомянутой борьбы, из которых мы видим, как старалась греческая партия охранить московское богословское училище от латинского влияния и в чем усматривала она опасность латинского учения. Обсуждается в этих памятниках собственно вопрос о том, учить ли греческий язык или латинский, но этот вопрос имел тогда настоящий богословский смысл. Язык был, можно сказать, знаменем того или другого богословского направления. В нашей академической библиотеке есть рукопись с заглавием: «Довод вкратце, яко учение и язык еллиногреческий наипаче нужен потребный, нежели латинский язык и учения, и чем пользует славенскому народу». Необходимость изучать греческий язык здесь доказывается различными соображениями и делается вывод:

«Подобает наипаче учиться гречески, понеже тем языком нетокмо не вредится православная вера, яко латинским, но и зело исправляется, и учити купно с славенским, яко да временем и славенский язык (который пребогат есть) очистился и иных ученых языков сочетался. А по греческом учении, хотящему не вредительно учиться и латинскому, а в первых латинскому языку учиться велие опасение, яко да не латинским языком подкралася тайна и вера и обычей латинской, как видим в разных народах, наипаче в французском, зане ничего не пременяет человека и нравы сице, яко странное учение... А белоруси хотя и учатся латинским языком, скудости ради греческого учения (кроме Львова, где учатся гречески), однакожде припоминати надобно, что малая часть из тех во унею не падают, познавается в них остатки иезуитския, понеже иезуиты не учат их высокими науками, покамест пред Богом не обещаются держати латинской религии»²⁴.

Но еще более интересный памятник сохранился в рукописи Петроградской Академии (№ 423), именно: «Рассуждение, учиться ли нам полезные грамматики, риторики, философии и теологии, и стихотворному художеству и оттуду познавати божественная писания, или, не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати, и от чтения разум святых писаний познавати – и что лучше российским людям учиться греческого языка». Возможно, что это рассуждение принадлежит чудовскому иноку Евфимию. Это уже обширный трактат, написанный с весьма основательной и даже разносторонней эрудицией. Вот между прочим что мы здесь читаем: «Латинское о богословии учение растленно и губительно и к прелести тех удобоотводительно. Древнии святии отцы наши Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Афанасий Великий, Иоанн Дамаскин и инии яко учахуся богословии на гречестем языке, тако и вероваху и писаху и вверенная им учаху. Латинницы же веруют написанной им и растленной богословии от врага Церкви святых восточных Иезуита Фомы Аквинуса, тако и учатся и учат; и учивыися, кто-либо будут, удобно в стремнину погибели тоя низстремляются, удалившеся святых отцев феологии, яко глаголет мудрый Грек Максим: «пагубная латинская учения и мудрования богоносных отцев преданием и учением толико далече отстоят, яко Богу единому исправить могущу, сия, уразумеют же глаголемых силу не во другом граде, токмо в самом Роме быв; тамо беззаконно совершавшая узрят». И паки: «еретическая велеречия и латинская последняя новина и суесловие – тьма и мгла глубока; вся, яже у латин, – лютая и велику отвращению достойна, яже богоносных отцев учительством не согласуются, не могут бо богословити праве».

«От учения латинскаго, ничтоже еще видя, начинаются быти странныя подверги и чуждые восточныя святыя церкви, матере нашея... и сия убо еще ниже начало приемшу латинскому учению славяном; егда же тое учение в дело произведет и преуспевати начнете, не пострадати-бо по притчи: бежавшим дыма не впасти бы в пламень.

К сему егда услышат латинское учение, в Москве наченшеся, врази истины, плевосеятеле терния западнаго посреди чистыя пшеницы, из востока насеянная, лукавии иезуиты подыдут и неудобопознаваемыя своя силлогизмы, или аргументы душетлительныя, начнут злохитростно всевати, тогда что будет? Ничто ино, точию окоптельй чистительнаго огня дымом латинскаго смышления зачнется куколь и родит любопрения, потом (пощади, Боже) отступление от истины, еже страждет или уже пострада малая Россия, приучившися латине, быша мало не вси униаты, редции и ошашася православнии.

Сих ради всех подобает некосненно, недремлющим умом архипастырем и всем купно и начальником духовным и мирским предразумевати, предваряти, премышляти и угашати моленми, ученми и запрещенми малую искру латинскаго учения, не дати тем раздмитися и воскурятися, да не пламень западнаго зломысленнаго мудрования, растекся, попалит и в ничто же обратит православия восточнаго истину, егда бо многогородный той огонь распалится и кто в него ввалится, той и с великим трудом от того не свободится, но вечно в том потопится.

Аще же народ великороссийский будет учиться греко-славенски (подаждь, Господи) и чести книги оныя, всех сих предреченных бед избегнут, и согласны во всем и купночинны будут с восточною святою Церковию и со святейшими, равночисленными святым, евангелистом, Патриархи, и истинно ученицы Христовы будут и здрави и тверды, и непозыбленни от приражения инославных пребудут в православной вере, основани не на песце новомышлений, но на твердом основании водруженни, на самом краеугольном камени Христе, ино-бо основания никто же может положить.

Еще же и святейшии патриарси подадут вящее благословение и молитву о благостоянии великороссийскаго царствия, и народи сей окружни, сущии православия восточнаго, Богу возблагодарят и царскому величеству приклонятся, но и противнии западницы и инии мужеству, твердости и постоянству в вере великороссийскаго народа почудятся (подивятся), яко ничтоже возможе их поколебати. И свой народ, начен от благородных до простых, и самых, глаголю, поселян, услышавше учение греческое, возрадуются и похвалят, и – мятежницы Церкви, отложивше

всякую молву, утишатся и Церкви святой покорятся и прилепятся чрез покаяние.

Аще же услышится в народи, паче же в простаках, латинское учение, не вем, коего блага надеяться, точию, избави Боже, всякия противности»²⁵.

Все эти и им подобные рассуждения весьма характерны: они нам показывают, насколько патриарх московский и его единомышленники твердо и непреклонно стояли на страже чистоты православия и с каким опасением смотрели они на возможность латинского влияния на православное богословие. Латинское богословие они почитали совершенно чуждым духу Церкви, почему и охраняли от этого богословия православную школу.

В деле устройства в Москве высшего училища греческая партия, возглавляемая патриархом Иоакимом, взяла верх. В 1682 году составлена была знаменитая «привилегия на Академию». Здесь Академии предоставлялись весьма широкие права. Академия не только должна была быть ученым и учебным учреждением; ей принадлежит надзор за народным образованием, над книгопечатанием, над чистотой православной веры, даже суд по религиозным преступлениям. Неизвестно, кем эта привилегия составлена. Считали ее произведением Симеона Полоцкого²⁶, но несомненно, что окончательная ее редакция принадлежит сторонникам греческого православного образования»²⁷.

В некоторых своих местах привилегия прямо направлена против южнорусских ученых, которые могут занести в школу латинское влияние. «А иже имут в наше царствие из литовския страны и из малыя России и из иных стран ученые люди, хотящи зде в наших училищах Блюстителем и Учительми быти, приезжати и о себе поведати, яко они благочестивые, и от благочестивых родителей рождены и воспитаны в православной восточной вере: и оным без подлинного об них известия, и достоверных благочестивых людей свидетельства словесем их не верити, и в Блюстители и во Учители их не устроить, аще бы кто из них и писанием правду веры наша восточная удостоверял, а неправду на ону нашу православную веру от римлян и от лютеров и от кальвинов, и от иных ересей наносимая обличал и укорял: того ради, что обычай есть таковыми способы прелестникам в верах замешение творити; прежде таковыи являются якобы совершенно благочестивые, и по благочестии ревнители крепкие, а потом, егда уверятся быти благочестивыми, тогда помалу развратная словеса вере нашей всевати, и оныя непорочную целость терзати начинают»²⁸.

Еще раньше издания этой привилегии патриарх открыл при

типографии начальное греческое училище, а когда с Востока прибыли от патриархов греки «самобратия» Лихуды Иоанникий и Софроний, положено было основание Славяно-Греко-Латинской Академии, где сразу же получил господство греческий язык: на греческом языке велось самое преподавание, греческие были и учебные руководства. Сама Академия в первое время называлась «Греческими школами», «Еллино-Славенскими школами»²⁹.

Так Российская Православная Церковь 17-го века, возглавляемая святейшим патриархом, твердо держалась греческого православия и всеми силами боролась с чуждым латинским богословием, которое заносили в Москву ученые малороссы.

Благодаря неусыпным трудам ревностного патриарха, в Москве побеждает греческое направление, а все латинское отдаляется от новой духовной школы.

Нужно сказать, что московский патриарх был не одинок в борьбе против латинского влияния. Пусть он уже не находил сочувствия в этой борьбе со стороны московского правительства, – с ним за одно были восточные патриархи.

Русская церковь была тогда в весьма оживленных отношениях со вселенскими патриархами, которые и лично приезжали в Москву, и обменивались грамотами с русским церковным и гражданским правительством. Восточные патриархи всегда поддерживали русскую иерархию в борьбе с латинством, иногда даже побуждали к этой борьбе и всеми мерами способствовали укреплению и господству в Москве образования православного греческого. В день Рождества Христова 1668 года от лица присутствовавших в Москве патриархов было произнесено слово «О взыскании премудрости Божественной». Здесь патриархи скорбят о том, что в православном роде российском пренебрегается изучение греческого языка и настойчиво убеждают царя, иерархов и весь народ позаботиться об устройстве в Москве греческого училища. «Положи отныне, обращаются патриархи к царю Алексею Михайловичу, в сердце твоём, еже училища – тако греческая и иная – назидати, спудеов милостиво и благостно умножати, учителя благоискусны взыскати, всех же честми на трудолюбие поощряти, то абие узриши многи учения тщатели, а по мале времени приимеши, даст Бог, плод стократный и полныя рукояти от сих семян»³⁰.

Но особенно следует упомянуть Иерусалимского патриарха Досифея, великого ревнителя православия в 17 веке, зорко следившего за русской церковной жизнью и часто писавшего послания русским патриархам,

царям, даже отдельным церковным и гражданским деятелям. На Россию патриарх Досифей смотрел как на опору всего вселенского православия, а потому России прежде всего необходимо во всей строгости и чистоте держаться православной веры. С большой тревогой и великим опасением смотрел патриарх на усиливающееся в Москве западное, преимущественно католическое, влияние. О католичестве патриарх Досифей мыслил весьма определенно. «Папезская прелесть однозначна с безбожием, ибо что есть папезство и что есть уния, если не явное безбожие?» «Беззаконные папезники горше нечестивых и безбожных; они безбожны, ибо два Бога предлагают – единого на небеси, а другого на земли». «Ничто ино есть папезничество, но разве точию явно и не усумнительное безбожие»³¹. «Латиняне, вводящие в веру, в таинства и во все постановления церковныя новости, суть явные нечестивцы и раскольники, потому что частную церковь делают вселенскою, и вместо Христа почитают главою Церкви пап, и римскую церковь, которая есть частная церковь, они почитают вселенскою. И потому, по словам отцов и учителей Церкви, они суть обманщики, негодные и бесстыдные люди, не имеющие любви, враги мира Церкви, клеветники православных, изобретатели новых заблуждений, непокорные, отступники, враги истины, завистники, упорные, непослушные, какими признают их отцы, а потому достойны презрения»³². Вполне понятно, что патриарх Досифей рекомендовал московскому правительству самые решительные меры для пресечения католического влияния. Патриарх знал, что в Москве органами католического влияния были малороссы, – так не пускать их в пределы московского царства, особенно не давать им иерархических должностей! «Подобает ведати, яко отнележе новосекоша латини в символе веры и отторгошася церкви, падоша во многая беззаконная новосечения, якоже прегордое папезство возмути и смущает и обычаи и каноны и предания не точию святых отец, но и самих духоносных апостол. Росы же на Украине, аще и хранят православие непоколебленно, обаче многия обычаи православных растлиша»³³. «О если бы, благочестивейшие, и там в Москве сохранен был древний устав: да не бывают игумены и архимандриты из рода казацкого, но москали и на Москве и в казацкой земле, а казаки только в казацкой земле, ибо не подобает запрягать вкупе коня и осла, ниже ткать вкупе руно и лен. Далек да будут казаки священники от игуменства московскаго и от иного достоинства. Хотя и исповедуем казаков быти православными, однако многие из них имеют нравы растленные и нравы сии не подобает от них перенимать тамошним православным»³⁴. «Аще приедут отсюды или сервы или греки или иного

народа туды, аще бы и случайно были мудрейшия и святейшия особы, ваше державное и богоутвержденное царствие да никогда сотворит митрополитом или патриархом грека, серва или и русянина, но москвитянов, и не просто москвитян, но природных москвитян многих и великих ради вин: ...наипаче же москвитяне суть хранители и хвалители своих догмат. Но греком и сервом и русяном не подобает имети владению в Московии, зане может быти и добрым им, но вящши может быти противным. Потом москвитяне хранят отеческую веру не новосеченную, сущии не любопытательнии и не лукавии человеки; но страннии и онии, прехождяку зде и тамо, могут произвести некия новости в церкви»³⁵. «Аще великое твое царствие, писал Досифей уже Петру, имеет намерение учинить избрание патриарха, да повелит, чтоб не учинилося избрание особы из казаков и (мало) россиян и сербян и греков, зане суть много смешени и сплетени с схизматиками и еретиками, тем же ниже имут не лестна и чиста во всем православнаго догмата, но да повелите быти избранию особы из самага москвича, а чтоб был стар и доброга гражданства, зане москвитяне патриархи покамест были, хранили целу православия проповедь»³⁶.

В Москве, узнает патриарх Досифей, появились в большом изобилии западные книги³⁷ и он пишет патриарху московскому Иоакиму в 1679 году: «Внимайте с великим прилежанием, чтоб никто из верных, как от великих, так и от малых, чтоб не чли и отнюдь бы не держали у себя такие книги, в которых содержится скверное и безбожное учение папиных поклонников, или безбожное и скверное учение лютеров и кальвинов, понеже наполнены суть лести и лукавства, и в притворении благочестия имеют учение безбожства»³⁸. Через два с половиной года, в начале 1682 года, патриарх Досифей снова пишет патриарху Иоакиму: «Храни, храни, храни стадо Христово чисто от латинскаго письма и книг, яко все в них есть учение антихристово, понеже есть полны новосечения, полны хулы; в них бо есть безбожие калвиново и лютерово, довлеет благолепие и красота святых Христовых церкви; не мешайтесь со блудники, глаголаше апостол, блудники же есть еретики и книги их. Великий царь Константин и Феодосий и Устиниан законоположиша Порфирия и Манента книги да не обретаются, идеже обрящутся, да сожгутся, и елицы я хоронят, смертью да казнятся. Тако сотворите и вы о латинских книгах, яко есть лестныя и прелестныя... И аще кто учения ищет, еллинскому языку учитесь, а не другому»³⁹. Советуя беспощадно жечь латинские книги, патриарх в то же время усиленно убеждал «на Москве устроить типографию еллиногреческую и несколько книг на противников Церкви Божии латинов

напечатать, а по напечатании те книги и на словенский язык перевести, от чего будет всем православным христианам многая и великая польза, а еретиком и противником посрамление»⁴⁰. Нужно печатать богословские книги, «дабы сотканное незаконными из терновых нитей гнойное лжеучение разорвать и истребить, хитон же православия распространить»⁴¹.

Патриарх содействовал открытию в Москве греческой школы и радостно приветствовал это открытие, причем высказал и свой взгляд на изучение греческого языка: «И сие есть божественное дело, еже учить христианом еллинский язык, во еже разумети книги православные веры якоже писани суть, и познавати толковаше их удобно, и наипаче дабы отдалени были от латинских, иже исполнени суть лукавства и прелести, ереси и безбожства»⁴². В другом случае патриарх Досифей выразил свой взгляд на изучение русскими языков еще более резко. Дьяк Полянский обратился к патриарху с вопросом: следует ли детей обучать греческому или латинскому языку. Патриарх пишет в ответ: «Несравненно предпочитается еллинский язык латинскому, а кто предпочитает латинский, тот еретик и нечестивый»⁴³...

Как можно видеть, по всем вопросам борьбы с латинством московский патриарх имел советника и единомышленника в лице патриарха Иерусалимского. В этом единении с Востоком московское церковное правительство имело, конечно, не малое пособие в борьбе со врагом. Твердая церковная власть патриарха, опирающегося на единение с восточными церквами – вот что с успехом противопоставляло московское православие 17-го века чужеземному латинскому нашествию! Борьба с латинством была поэтому даже успешна, хотя латинству уже сочувствовал царский двор. Свободная русская церковь не подчинялась чужеземному засилью в богословии. Но скоро все на Руси стало по иному.

2. Последний год патриаршества Иоакима был первым годом единоличного царствования Петра. На царском престоле оказался протодиакон всепьянейшего и всешутейшего собора...

Когда я вспоминаю о Петре, – у меня невольно напрашиваются стихи Константина Аксакова «Петру»:

*Вся Русь, вся жизнь ея доселе
тобою презрена была,
и на твоём великом деле
печать проклятия легла.*

Эта печать лежит на всем восемнадцатом веке русской истории. Больно и обидно для русского сердца читать историю этого несчастного

века, когда «птенцы гнезда Петрова» дурачились, по выражению Ключевского, над Россией. Среди этих «птенцов» в изобилии появились немцы, с которыми Петр прежде устраивал походы на Ивашку Хмельницкого в немецкой слободе, потом перевел их, еретиков и чужеземцев, сначала в московский кремль, а после и в свой северный «Парадиз», имя которому, как добровольное признание,

на чуждом языке дано.

Началась в истории России петербургская эпоха...

Настало время зла и горя, настало время немецкого засилья, когда русский народ с недоумением увидел у себя немецкое правительство, когда даже

...корону Мономаха

курляндский конюх примерял.

Для Православной Церкви с Петра настали тяжелые дни. Петровская реформа производилась в военное время; поэтому она носила нервно-болезненный характер, часто теряла всякий смысл и серьезность, когда, напр., вторгалась в ведомство портных и парикмахеров. Это была революция по приемам и по впечатлению, какое произвела она на умы и нервы современников⁴⁴. Понятна народная оппозиция такой реформе, которая представлялась непонятной ломкой вековых обычаев, старинного уклада русской жизни, освященных временем народных верований и привычек»⁴⁵. Народ отозвался на Петровскую реформу сказанием о царе самозванце и о царе антихристе. «Немцы обошли его. Вот уж и на Бога наступил, с церковью колокола снимает». Если Петр на Бога и не наступил, то несомненно он наступил на Православную Церковь и на православную иерархию, наступил всей своей тяжелой ступней.

В древней Руси православная иерархия была вполне народна: она жила народной жизнью, имела на нее могущественное влияние и пользовалась полным уважением и авторитетом. Великорусская иерархия вместе с народом разделяла и несочувственное отношение к Петровской революции. Несочувствие и даже временами противодействие иерархии сердило гневного царя и он заявлял: «многому злу корень старцы и попы». И вот Петр начинает менять или, лучше сказать, подменивать иерархию. В великороссийские епархии он назначает иерархов малороссов, которые сочувствовали бы его реформам, защищали бы их с церковного амвона, – пусть даже они будут и невысокого нравственного уровня и весьма сомнительного православия. Таковы были, напр., Феодосий Яновский и Феофан Прокопович, много зла принесший и отдельным людям и всей русской церкви. Наряду с чужим правительством создавалась и чужая

иерархия. Засилье малороссов в церковном управлении достигло в XVIII веке высшего напряжения. Уже Екатерина II по политическим соображениям издала указ, по которому, так сказать, давалось великороссам равноправие с малороссами в великороссийских епархиях. Малороссийская иерархия, насажденная Петром, была крайне не популярна. К ней относились презрительно и враждебно и народ, и духовенство. «Черкас», «ляшенок», «обливанец» – так обыкновенно величали малороссов-иерархов, от которых нередко приходилось терпеть большие обиды. «Возникли у них кареты дорогая и возки золотые. А мы, победные, утесненные, дневно плачем; различно велят секретарям и канцеляристам нам, русским, досаждают и пакости чинить, а своих черкасов снабдевают и всяко охраняют»⁴⁶. Феофан заходил так далеко, что ему в 1726 году даже Екатерина указала: «впредь ему, архиерею, противностей св. Церкви никаких не чинить, и иметь чистое безсоблазненное житие, как все великороссийские православные архиереи живут»⁴⁷.

Твердая и более или менее самостоятельная церковная власть, которая, как мы видели, боролась в 17 веке с латинским влиянием на богословие, была не в интересах Петра; ему нужно было ее устранить. И Петр уничтожает патриаршество, назначая местоблюстителем патриаршего престола малоросса Стефана Яворского, а потом учреждая и «Духовный Коллегиум». Недобросовестные софизмы, которыми Феофан Прокопович доказывает в «Регламенте», вопреки 34 апостольскому правилу, преимущества коллегиального управления в поместной церкви, конечно, никого не убедили. Ясна была действительная цель реформы – «укратити будто-бы вельми жестокою епископов славу», т.е. лишить церковную иерархию прежнего влияния на народную жизнь. Синод не мог заменить собою для церковной и народной жизни патриарха, тем более, что Петр наполнил Синод при его открытии малороссами. В первоначальном составе Синода было пять западно-руссов, один серб, один грек и четыре великоросса, при чем президент и оба вице-президента были малороссы. Понятен грубый протестующий отзыв троице-сергиевского иеромонаха Викентия Чернцова: «Что де за Синод, и какой Синод! В Синоде все дураки, поляки»⁴⁸.

Русская церковная власть, говорил я, находила себе опору и поддержку в единении с восточными патриархами. Со времен Петра Россия не видела вселенских патриархов до 1913 года. Сам Петр, конечно, считал излишним советоваться с патриархами. Он обращался к ним разве только за тем, чтобы они разрешили «Пресветлейшему и

Благочестивейшему Величайшему во Христе Царю всея Великия и Малыя и Белья России всея северныя страны Обладателю, Государю Петру Алексеевичу употребление и причащение мяс во вся добре учиненные посты всего лета»⁴⁹.

Петр наложил свою тяжелую руку и на русское просвещение. Мы видели, как московское правительство 17-го века заботилось о научном просвещении именно в духе греческого православия. Петру этот религиозный интерес был совершенно чужд. Он не только начал отправлять русских людей для обучения к самим западным еретикам, но и в Москве на Покровке устроил немецкую гимназию протестантского пастора Глюка, тем более, что у этого именно Глюка проживала *schones Madchen von Marienburg*, ливонская: крестьянка и будущая русская императрица Екатерина I⁵⁰.

Коснулся, наконец, весьма решительно Петр и специально церковной школы, молодой Московской Академии, где, как мы видели, в конце 17-го века по настоянию патриарха утвердилось греческое направление. С Петра начался новый период в истории Академии. «Когда же по смерти патриарха Адриана, в 1701 году, Преосвященному Митрополиту Рязанскому, Стефану Яворскому поручена в правление патриаршая епархия, и повелено указом завезть в том же монастыре и Академии латинския учения; тогда он призвал из Киева учителей духовных»... и «на латинском диалекте производились учения в Заиконоспасском монастыре»⁵¹. С 1704 года до времен митрополита Платона Академия большею частью имела наставников из Киева, которые в преподавании следовали учебным руководствам киевским, и ввели в жизнь Академии порядки, исстари заведенные в Киев, словом, сообщили ей свой дух, свое направление. Есть основание думать, что для ускорения образования киевские наставники привезли с собою в Москву даже подготовленных учеников из Киева: в дошедшем до нас списке учеников философии 1704 г. в числе 34 человек только трое великороссиян, а все прочие имеют фамилии белорусские и польские. Все уроки читались и сочинения были писаны на одном латинском языке⁵². Академия утратила не только свое прежнее греческое направление, но и греческое имя. Название «Славяно-Греко-Латинская Академия» утвердилось уже со времен митрополита Платона. До Петра, мы видели, Академию называли «Еллино-славенскими схолами». В сенатских же указах петровского времени Академия называется «Латинскими школами»⁵³ или «Славяно-Латинскими»⁵⁴; самое учение в Академии именуется «наукой Латинского языка»⁵⁵.

Со скорбью узнал Иерусалимский патриарх Досифей о перемене

направления в Московской Академии. Он надеялся, что эта перемена – явлеше мимолетное, что «Богу благословящу, возбудятся стражи кафолическия Церкви Христовы, и все тут сущие восчувствуют обоняние смерти, скрытое в обонянии жизни, и попрут его ногами и сокрушат»⁵⁶. Надежда патриарха была напрасной. Будущее обещало мало утешительного. Ведь в 18-м веке бывали времена, когда всякое слово в защиту православия и в обличение западных ересей считалось политическим преступлением, оскорблением господствующей при дворе немецко-курляндской партии. Некоторые епископы теряли кафедры и попадали в тюрьму за то только, что издавали и распространяли «Камень веры» Стефана Яворскаго, это обширное полемическое сочинение, направленное против протестантов. Распространению «Камня веры» Феофан Прокопович, сочувствовавший протестантству, считал личным оскорблением, а оскорблять Феофана было опасно, потому что это был друг Бирона и Остермана.

При полном господстве малороссов в Академии в 18 веке утвердилось западное схоластическое богословие. В качестве авторитета ссылались, между прочим, на Фому Аквината, у которого в системе «при тени пороков и грехов яснее сияет свет добродетелей и благодати»⁵⁷.

Схоластическое богословие утвердилось во всех духовных школах, которые получили начало в 18-м веке. Все будущие пастыри русского народа, все будущие богословы заговорили на латинском языке. Здесь нужно видеть начало отчуждения духовенства от народа. Латинский язык и латинское богословие господствовали в духовной школе и в 19-м веке. Латинские лекции по богословию читались и в нашей Академии⁵⁸ и лекции эти нередко были в близком родстве с западными еретическими образцами. Наши деды в семинариях еще учились по латыни. Теперь семинаристы уже с трудом едва переводят латинскую книгу, но схоластическое богословие еще живо и поныне.

Итак, вот как далеко и глубоко в истории лежат корни чужеземного засилия в нашем богословии. В Московской Руси чужеземное влияние на богословие находило надлежащий отпор от ревнителей православия и от твердой церковной власти. Во время Петровской революции церковная власть была смята и подавлена и чуждое богословие было как бы насильно насаждено на русской почве. Это грех не столько церковной иерархии, сколько гражданского правительства, созданного Петром и духом чуждого русскому народу. Порабощенная Церковь не могла свергнуть со своего богословия твердой рукой налагавшегося на него латинско-немецкого ига, удобного государственной власти 18-го века. Западные ереси были

правительству русскому ближе и понятнее, нежели восточное православие.

3.

Но в чем же сказалось латинское и вообще западное влияние на наше школьное богословие? Неужели наше богословие и наши богословы, попавши под западное влияние, начали проповедовать *Filioque*, папское главенство и папскую непогрешимость, или отрицать авторитет Церкви подобно протестантам? Ничего подобного. Наше богословие скорее изобиловало сочинениями полемическими, направленными против всех названных и им подобных западных заблуждений. В чем же тогда латинское влияние?

Латинское влияние затронуло у нас решение самых живых богословских вопросов, затронуло самую душу богословия. Полемика с латинством, касаясь указанных догматических разностей, имела в виду далеко не самое важное и существенное. Православные полемисты издревле в своей полемике с латинством оцезивали комаров и без внимания оставляли верблюдов. Католических ересей насчитывали целые десятки, но не указывали основного пагубного заблуждения латинства. Ведь среди католических ересей, например, наш русский митрополит Георгий указывал следующие: едят медведину и ослов; попы их едят в говение бобровину, глаголют-бо, яко от воды ест и рыба всяко ест; постригают бороды своя бритвою, еже есть отсчено от Моисеева закона и от евангельска»⁵⁹. В сравнении с этими «ересями» опресноки, папская непогрешимость, *Filioque* и прочее, что опровергается в наших «обличительных богословиях», – конечно, несравненно важнее. Однако все же существо веры, душа ее – не здесь. «Религия есть, – или по крайней мере притязает быть художницей спасения, и дело ее – спасти»⁶⁰. Религия по православному пониманию есть благочестие, *eusebeia*, почитание блага, стремление к благу, а религиозное благо есть спасение. «Вопрос о личном спасении и представляет в системе нашего вероучения именно такой пункт, в котором это последнее становится лицом к лицу с действительностью, с реальным бытием и хочет в жизни, в практике показать, в чем собственно заключается та истина, которую оно проповедует. В этом пункте каждое вероисповедание может найти себе и беспристрастную оценку. Тот, кто хочет узнать истинное существо католичества, протестантства или православия, тот должен обратиться не к теоретическому их учению, а к их понятию о жизни, к их учению, именно, о личном спасении, в котором (учении) это понятие наиболее ясно выражено, – тот должен опросить каждое из вероисповеданий, в чем

оно полагает смысл жизни человека, его высшее благо»⁶¹.

Итак, душа веры в спасении и душа богословия в **учении о спасении**.

Что же? Сохранило ли наше богословие во время латинского и немецкого нашествия православное учение о спасении? Вспомним вкратце основные понятия православного учения о спасении. Свободное отступление и обособление прародителя от Бога имело следствием изгнание из рая, отчуждение от Бога и страдание человека. Все естество человеческое подпало под власть тления и смерти. От Девы воплощается Единородный Сын Божий, принимает полное человеческое естество в единство Своей Божественной Ипостаси. Во Христе естество человеческое и естество Божественное соединены «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно», и самое естество человеческое поэтому обожилось, получило новые силы. Христос – новый Адам, родоначальник нового человечества. Кто во Христе, тот – новая тварь. Восстанавливается «красота изначальная» естества человеческого, которое во Христе оказалось уже «чуждо истления», препобедило смерть и тление. Имея благодатную помощь Святого Духа, человек возрождается, очищает себя от греха и тления и снова возвращает, себе «первое блаженство». Не как внешняя награда дается это блаженство, а как внутреннее следствие вырастает из добродетели и свободы от греха. Σφτηρία в том и состоит, что, сделавшись причастен Божеского естества и получивши дар Св. Духа, человек паки становится σως – целым, здоровым, нормальным. Восстанавливается то состояние твари, о котором сказал некогда Господь Бог: «вся добра зело». Так – воплощение, воссоздание, обожение, нетление и блаженство – в пределах этих понятий движется православное учение о спасении. Читайте творения св. Иринея Лионского, св. Афанасия Великого «Слова против ариан», св. Григория Нисского «Большое огласительное слово», св. Григория Богослова «Слова о богословии» и «На Богоявление», преп. Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры» – повсюду вы увидите, в какой тесной и неразрывной связи друг с другом стоят сотериология и христология, как все учение о спасении сходится к единому центру – Воплощению Бога Слова, к великой тайне благочестия: Бог явился во плоти! Св. Иринея Лионский маловерами называет тех, кто не придает никакого значения домостроительству воплощения, чрез которое осуществилось совершенство нашего человечества⁶². Вот несколько строк из знаменитого слова Григория Богослова «На Богоявление» или «На Рождество Спасителя». «Само Божие Слово превечное, невидимое, непостижимое, бестелесное, начало от начала, свет от света, источник жизни и бессмертия, отпечаток первообразной красоты,

печать непереносимая, образ неизменяемый, определение и слово Отца, приходит к Своему образу, носит плоть ради плоти, соединяется с разумною душой ради моей души, очищая подобное подобным, делается человеком по всему, кроме греха. Хотя чревоносит Дева, в которой душа и тело предочищены Духом; однако же происшедший есть Бог и с воспринятым от Него (человеческим естеством) – единое из двух противоположных – плоти и Духа, из которых Один обожил, а другая обожена. О, новое смешение! О, чудное растворение! Богатящий обнищает, обнищает до плоти моей, чтобы мне обогатиться Его Божеством; Исполненный истощается, истощается не надолго в славе Своей, чтобы мне быть причастником полноты Его. Какое богатство благодати! Что это за таинство о мне? Я получил образ Божий, и не сохранил его; Он воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти, и плоть обессмертить. Он вступает во второе с нами общение, которое гораздо чуднее первого, поколику тогда даровал нам лучшее, а теперь воспринимает худшее; но сие боголепнее первого, сие выше для имеющих ум!.. Сколько торжеств доставляет мне каждая тайна! Во всех же в них главное одно-мое совершение, воссоздание и возвращение к первому Адаму»⁶³. Так богословствует о спасении святая Церковь! Но что говорит нам о спасении наше школьное богословие? Посмотрим.

«Вся тайна нашего искупления смертью Иисуса Христа состоит в том, что Он, в замен нас, уплатил Своею кровию долг Правде Божией за наши грехи, который мы сами уплатить были не в состоянии: иначе, – в замен нас, исполнил и потерпел все, что только требовалось для отпущения грехов... Господь Иисус принес плату полную и совершенно удовлетворительную за долг наш. Этот долг наш пред Богом состоял в том, что мы не исполнили воли Его, которую должны были исполнить, и непослушанием своим бесконечно оскорбили своего Создателя, и вслед за тем осуждены были Им на страдания и смерть, которая есть неизбежное следствие греха и справедливое возмездие за грех... Господь Иисус принес за нас плату преизбыточествующую. Ибо как бы ни были велики и многочисленны грехи всего рода человеческого, но они ограничены и по природе своей, и по числу; а самоотвержение, страдания и смерть Иисуса Христа, Лица Божеского и беспредельного, должны иметь бесконечную цену, во всех отношениях, пред судом вечной правды. И, следовательно, как ни велико, как ни необъятно оскорбление, причиненное грехами нашими величеству высочайшего Существа; но удовлетворение, принесенное за них Иисусом Христом, несравненно больше. А потому Он не только совершенно уплатил за нас долг бесценною Своею кровию, но и

купил за нее, приобрел для нас вечные блага... Потому-то мы и веруем, что страдания и смерть нашего Спасителя имеют не только значение выкупа за нас и уплаты долга; но и значение величайших заслуг пред судом вечной Правды»⁶⁴.

Здесь пред нами совсем другой ряд понятий: оскорбление, возмездие, проклятие, искупление, удовлетворение и заслуга. Прочтите в первом томе нашего юбилейного сборника статью проф. А. П. Орлова: «Сотериология Ансельма Кентерберийского», – там, у этого отца латинской схоластики, вы найдете все эти понятия. А сравнительно с Григорием Богословом в семинарском учебнике митрополит Макарий о спасении мудрствует иначе:

Григорий Богослов:

«Главное одно – мое совершение, воссоздание и возвращение к первому Адаму»!

Митрополит Макарий:

«Вся тайна нашего искупления смертью Иисуса Христа состоит в том, что Он, в замен нас, уплатил Своею кровию долг Правде Божией за наши грехи».

Вот что сделало с нашим богословием латинское и немецкое рабство! В учении о спасении это рабство отторгло наше богословие от Григория Богослова и иных отцов Церкви и приблизило к Ансельму и прочим отцам схоластики! Макарий принимает даже понятие заслуги; ему остается прибавить уже немного для того, чтобы в дело спасения перенести весь католический механизм банкирского дома, о котором говорил А. С. Хомяков⁶⁵.

Но спросите вы людей, прошедших среднюю духовную школу, как они богословствуют о спасении! Спросите наших сельских неученых батюшек! Вы прежде всего узнаете, что они вообще очень мало богословствуют, но все же вы заметите без особого труда, что о спасении они мыслят по Макарию, а не по Афанасию Великому или Григорию Богослову. Школа положила на веки свою схоластическую печать...

Но да не подумает кто-либо из вас: неужели Церковь изменила своему Православию? Раскольники уже не преминули на подобный вопрос дать свой злобный положительный ответ, например, в умно задуманной и кощунственно написанной книге Мельникова о «блуждающем богословии». Нет, Церковь не изменила и не могла изменить своему Православию; только школа перестала мыслить вполне по церковному, произошел некоторый разрыв между Церковью и школой. Церковь и теперь живет и дышит все тою же идеей спасения, которой жила и дышала

она полторы тысячи лет назад. У Церкви и теперь есть своя сокровищница богословия, существенно отличного от богословия школьного. Это сокровище – в богослужебных книгах. Ведь большая часть наших богослужебных книг составлена тогда, когда даже не было никакого латинства и не было никакой схоластики. Многие из богослужебных песнопений, стихир, канонов – писаны великими богословами древней Церкви. В богослужении мы слышим чистый и неиспорченный отголосок богословия святоотеческого, древне-церковного. Уже несколько лет скорбь и горечь теснят мое сердце от сознания того, как искажена в нашем школьном богословии христианская идея спасения, и без радостного трепета сердечного я не могу слышать нашего богослужения. Я радуюсь, как сын Церкви и как богослов, потому что каждую почти минуту в богослужении слышу те самые чистые и высокие понятия об истинах христианской жизни, которые пленили меня в богословии святоотеческом. Прочитайте вы службу на Рождество и Благовещение, – и вы найдете о деле спасения те же мысли, что во втором веке высказывал св. Ириней Лионский, в четвертом – Афанасий, Василий и оба Григория, в седьмом – преп. Максим Исповедник, в восьмом – преп. Иоанн Дамаскин, в одиннадцатом – преп. Симеон, Новый Богослов, или, лучше сказать, все и во всех веках на священном Востоке! В самой литургии, приступая к совершению величайшего таинства, мы, священники, говорим в алтаре пред престолом о спасении совсем не то, чему учит нас школьная догматика. В литургии св. Иоанна Златоуста мы исповедуем:

«Ты от небытия в бытие нас привел еси и отпадшая восставил еси паки и не отступил еси, вся творя, дондеже нас на небо возвел еси и царство Твое даровал еси будущее».

Подробнее в литургии св. Василия Великого: «Егда прииде исполнение времен, глагола еси нам Самем Сыном Твоим, Имже и веки сотворил еси, Иже сый сияние славы Твоя и начертание Ипостаси Твоя, нося же вся глаголом силы Своя, не хищение непщева еже быти равен Тебе Богу и Отцу, но Бог сый превечный, на земли явися и человеком споживе и от Девы святыя воплощься, истоци Себе, зрак раба прием, сообразен быв телу смирения нашего, да нас сообразны сотворит образу славы Своя; понеже бо человеком грех вниде в мир и грехом смерть, благоволи Единородный Твой Сын, сый в недрах Тебе Бога и Отца, быв от жены святыя Богородицы и Приснодевы Марии, быв под законом, осудити грех во плоти Своей, да во Адаме умирающе, оживотворятся в Самем Христе Твоем».

Итак, смотрите, какое разногласие между Церковью и школой! Вот

что сделало у нас на Руси латинско-немецкое засилье в богословии! Классная кафедра духовной школы и церковный амвон и клирос в одно и то же время говорят на разных богословских языках! На борьбу с этим-то вредным латинско-немецким засильем и его печальными плодами в нашем богословии я и считаю своим нравственным долгом вас призвать в эту грозную годину отечественной освободительной войны. Борьба уже началась. За последние двадцать пять лет уже немало написано богословских трудов, по содержанию существенно отличных от трудов недалекого прошлого. У нас, благодарение Богу, уже зародилось новое богословское направление, свергающее с себя мертвящие узы прежней схоластики. К этому-то направлению и нужно примыкать со всем жаром юности и без всякого сомнения. Нужно достигать того, чтобы это новое направление получило самое широкое распространение и полное господство. А то у нас еще и теперь не мало охотников клеймит «либерализмом» и даже «немецчиной» все, что не согласно с Макарием!

В схоластическом учении о спасении прежде всего должны быть снесены до основания два форта, два понятия: удовлетворение и заслуга. Эти два понятия должны быть выброшены из богословия без остатка, навсегда и окончательно. Уничтожьте эти два форта, – призрачная твердыня схоластики скоро падет и рассыплется. И погибнет печальная память ее без шума...

Но где причина того, что чуждая духу. Церкви схоластика держится в духовной школе нашей и в богословии даже в двадцатом веке, даже до дня сего? Причин можно бы насчитать не мало, но я укажу прежде всего одну, которая ближе всего касается нас с вами. Одна из причин есть тяжкий грех студентов наших духовных академий. Десятый год наблюдая академическую жизнь, я невольно с грустью и печалью, иногда и с негодованием, замечал, что студенты Академий слишком мало занимаются богословием и еще меньше богословием интересуются. Получается крайне ненормальное явление: студент духовной Академии, окончивая курс, имеет некоторые взгляды философские, исторические, даже политические, но не имеет определенных взглядов богословских. Чисто богословские вопросы его не волнуют; он будто даже и не понимает, как это богословский вопрос может задевать за самую сердцевину души, ломать и переворачивать всю жизнь человека, заставляя его ввергаться в огонь и в воду. Призрачная твердыня схоластики потому еще и держится, что нет одушевленных воинов, которые с ожесточением бы на нее нападали, сознавая и чувствуя, как эта твердыня мешает духовной жизни человека, как она стоит на пути его

духовного развития и совершенствования, на пути христианского спасения, подменяя духовное возрождение и спасение какой-то странной юридической сделкой с Господом Богом. За схоластическую пустоту потому и берутся, что не имеют никаких жизненно-богословских убеждений.

В эти военные дни я и обращаюсь к вам с призывом. Вы освобождены от воинской повинности, вы сидите не в окопах, а за партами, – так не уклоняйтесь от необходимого набора в воинство Христово, в действующую уже небольшую армию богословов! Схоластическая крепость – это наш, академический, участок общего фронта. Если мы живые люди и живые члены Христовой Церкви, мы должны чувствовать, что эта крепость нам, жизни нашей православной мешает. Сравнять с землей неприятельскую крепость схоластики – вот наша, академическая задача, если мы хотим самым делом участвовать в великой освободительной войне!

И еще одно пожелание и надежда. Я говорил вам, почему в 17-м веке борьба с латинством была у нас даже успешна, а в 18-м – эта борьба прекратилась. Мой ответ на этот вопрос не поможет ли нам объединиться в общем пожелании, чтобы возвращено нам было то, что потеряно при Петре двести лет назад: патриаршество и свобода Церкви!

Примечания

- ¹ - Вступительное чтение 12 сентября 1915 года.
- ² - К. Харлампович. Западно-русские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань 1898, стр. 39.
- ³ - А. Харлампович. Западно-русские православные школы, стр. 104.
- ⁴ - См. Акты, относящиеся к истории западной России. Изд. Археогр. комиссии. Т.4. Санкт-Петербург, 1851, № 32, стлб. 42.
- ⁵ - О. Т. Голубев. История Киевской Духовной Академии (период до-могилянский). Вып. 1. Киев. 1886. Приложения, стр. 82. См. Еще у Харламповича, Западно-русские православные школы, стр. 426.
- ⁶ - К. Харлампович, Западно-русские православные школы, стр. 414–415.
- ⁷ - С.Т. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. 1. Киев. 1883. Приложения, стр. 102.
- ⁸ - С.Т. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. 1. Киев. 1883. Приложения, стр. 432.
- ⁹ - С.Т. Голубев. История Киевской Духовной Академии, стр. 229 и Приложения, стр. 80.
- ¹⁰ - П. Бессонов. Белорусские песни, пред. VI, См. у К.В. Харламповича. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, стр. 3.
- ¹¹ - Мальшевский. Александрийский патриарх Мелетий Пигас. т. 2. Киев. 1872, стр. 10.
- ¹² - См. О мудрейшем иеромонахе Епифании Спавинецком и о Симеоне Полоцком. Остен. Казань. 1865, стр. 70.
- ¹³ - Остен стр. 70–71.
- ¹⁴ - Проф. Н. И. Субботин. Материалы для истории раскола в первое время его существования, т.6. Москва. 1881, стр. 281. 282. 284.
- ¹⁵ - Материалы для истории раскола, т. 6, стр, 252.
- ¹⁶ - Остен, стр, 130–131
- ¹⁷ - Остен, стр, 132
- ¹⁸ - Остен, стр. 138
- ¹⁹ - Остен, стр. 140–141

- ²⁰ - Остен, стр. 146–147
- ²¹ - См. у проф. К. В. Харламповича. Малороссийское влияние, стр. 442–447
- ²² - См. у проф. К. В. Харламповича. Малороссийское влияние, стр. 450
- ²³ - Остен, стр. 138
- ²⁴ - Прибавления к изданию творений святых отцов. 1889. Ч. 44, стр. 679, 677
- ²⁵ - См. М.Сменцовский. Братья Лихуды. СПб. 1899. Приложения, стр. 22–23, 24–26
- ²⁶ - Иерофей Татарский. Симеон Полоцкий. Москва. 1886, стр. 261
- ²⁷ - Проф. Н.Ф. Каптерев. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке. Прибавления к твор. свв. отцов. Ч. 44. стр. 655, особ. 670
- ²⁸ - Прибав. к творен. свв. отцов. Ч. 44, стр. 663–634
- ²⁹ - С. К. Смирнов. История Московской Славяно-Греко-Латинской Академии. Москва. 1855, стр. 38–39, 44–60
- ³⁰ - См. Проф. Н.Ф.Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т.2. Сергиев Посад. 1912, стр. 457.
- ³¹ - Н.Ф.Каптерев. Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством. Москва 1891, стр. 87–88.
- ³² - История патриархов иерусалимских. Кн. 10. Ч.3. Гл. 1. Пар. 9.
- ³³ - Н.Ф.Каптерев. Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством. Приложение №16. Москва 1891, стр. 69.
- ³⁴ - Архив Юго-Западной России. V, стр. 154.
- ³⁵ - Грамота государю от 2 июня 1702 года. Н.Ф.Каптерев. Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством. Приложение №8. Москва 1891, стр. 42.
- ³⁶ - Там же. Приложение № 11, стр. 56
- ³⁷ - См. Об этом подробно проф. К.В.Харламповича. Малороссийское влияние, стр. 440
- ³⁸ - Н.Ф.Каптерев. Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством. Приложение №14. Москва 1891, стр. 64.
- ³⁹ - Там же. Приложение № 15, стр. 67
- ⁴⁰ - Н.Ф.Каптерев. Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством. Москва 1891, стр. 103–104.
- ⁴¹ - См. Там же, стр. 108–109

- ⁴² - Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т.1. СПб. 1868. Приложения, стлб. ССССП
- ⁴³ - Греческие дела 1702 г. №1. Н.Ф.Каптерев. Сношения патриарха Досифея, стр. 172.
- ⁴⁴ - Проф. В.О.Ключевский. Курс Русской истории. Ч.4. Москва. 1910, стр. 285–292
- ⁴⁵ - Проф. В.О.Ключевский. Курс Русской истории. Ч.4. Москва. 1910, стр. 297
- ⁴⁶ - У проф. К.В.Харламповича. Малороссийское влияние, стр. 474
- ⁴⁷ - Там же
- ⁴⁸ - У проф. К.В.Харламповича. Малороссийское влияние, стр. 471–472
- ⁴⁹ - Полное собрание Законов Российской Империи, т. 5. СПб. 1830. №3020, стр. 468
- ⁵⁰ - См. Об этой гимназии у проф. В.О.Ключевского. Курс русской истории, ч. 4, стр. 322–327
- ⁵¹ - Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от Справщика Федора Поликарпова, и дополненное Преосвященным Епископом Смоленским Гедеоном Вишневым. Древняя Российская Вивлиофика, ч. 16. Москва 1791, стр. 302–303
- ⁵² - С.К.Смирнов. История Славяно-Греко-Латинской Академии, стр. 81–82
- ⁵³ - Полное Собрание Законов, т. 5. № 2978, стр. 189
- ⁵⁴ - Полное Собрание Законов, т. 5. № 3182, стр. 554
- ⁵⁵ - Полное Собрание Законов, т. 5. № 2978, стр. 189
- ⁵⁶ - Греческие дела 1702 г. Н.Ф.Каптерев. Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством, стр.172
- ⁵⁷ - См у С.К.Смирнова. История Славяно-Греко-Латинской Академии, стр. 142–143
- ⁵⁸ - С.К.Смирнов. История Славяно-Греко-Латинской Академии. Москва. 1879, стр. 13–22
- ⁵⁹ - Проф. А.С.Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб. 1878, стр. 192, 195, 152
- ⁶⁰ - Проф. Свящ. П.А.Флоренский. Разум и диалектика. Богословский Вестник. 1914. Т.3, стр.87
- ⁶¹ - Архиепископ Сергей. Православное учение о спасении. Изд. 4.

СПБ. 1910, стр. 5–6

⁶² - Доказательство апостольской проповеди, гл, 99.

⁶³ - Слово 38. Творений 4. 3. Изд. 3. Москва. 1889, стр.202–203, 205

⁶⁴ - Макарий, митрополит Московский. Руководство к изучению христианского православно-догматического богословия, § 98

⁶⁵ - Ср. Отзыв А.С.Хомякова о трудах митр. Макария в письме к А.Н.Попову от 22 окт. 1848 года: «Макарий провонял схоластикой». См. Проф. В.З.Завитневич. Алексей Степанович Хомяков. Т.1. Кн.1. Киев, 1902, стр. 973

Содержание

Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский Богословие и свобода Церкви	1
священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский	
Примечания	29